

ИСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ

МОДЕЛИ ИМПЕРИЙ И ИХ ПРИМЕНИМОСТЬ К КАЗАХСТАНУ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А.М. Абдилдабекова

Кафедра древней и средневековой истории Казахстана
Казахский национальный университет имени аль-Фараби
пр-т аль-Фараби, 71, Алматы, Республика Казахстан, 050038

В статье анализируется современное состояние споров о моделях империи, типологии Российской империи, места Казахстана в ее макросистеме. Специально рассматривается инновационный региональный подход к изучению проблемы, который позволяет понять особенности сочетания методов прямого и косвенного управления на территории Казахстана. Особенное внимание уделяется концепциям Р. Суни, А. Капеллера, А. Миллера, Ж. Кундакбаевой, Ж. Абдирова и др.

Ключевые слова: империя, модели и типология империи, Российская империя и Казахстан, идентичность, суверенитет.

Среди исследователей различных моделей империи изначально не было согласия по поводу того, какое государство следует считать империей и какие именно типы империй существовали и существуют. Поэтому важно зафиксировать современное состояние споров по этим вопросам и проанализировать применимость разработанных моделей империи к Казахстану. В этом и будет заключаться задача данной статьи.

Классифицируя многочисленные определения империи в исторической и политической литературе, американский историк Р. Суни выработал следующую дефиницию: «империя – это сложносоставное государство, в котором метрополия господствует над периферией, при этом определяющим отличием империи от более общей категории многонационального государства является восприятие периферией политики и практики метрополии как «чужих», а отношений с нею как неравноправных и эксплуататорских» (1).

Кроме неравенства и субординации, добавляет историк, отношения между метрополией и периферией характеризуются наличием этнических различий, географического разделения и административной разнородности. Это определение империи уточняет А. Рибер: имперские государства основаны на завоеваниях, их границы не являются естественными и культурными, а представляют собой военные «фронтиры», т.е. пограничье или «контактные зоны» (2).

Обычно выделяют еще один непереносимый признак существующих моделей империи – наличие многонационального (полиэтнического) населения и господствующего (имперскообразующего) этноса. А.И. Миллер рассматривает империи в качестве оптимального способа государственной организации большого количества различных народов и этнических групп. При этом империи он рассматривает как исторически обусловленный тип государственности, на смену которым в XIX–XX вв. приходят национальные государства (3).

Для моделирования империй актуальными остаются наиболее ранние в истории наблюдения выдающегося географа В.П. Семенова-Тян-Шанского. Еще в начале XX в. он предложил выделять *кольцеобразный* тип (Римская империя), *клочкообразно-колониальный* (Британская империя) и *«от моря до моря»* (4). Сразу подчеркнем, что Российскую империю он отнес к третьему типу, который не имел концентрирующего начала территории и населения (эксцентриситет). Преодолеть эту особенность, с точки зрения ученого, было возможно либо перенеся столицу вглубь страны, либо путем организации «культурно-экономических колонизационных баз» в слабо освоенных территориях. Такими базами он видел Урал, Алтай, горный Туркестан с Семиречьем и Кругобайкалье (5).

Семенов-Тян-Шанский выделял действительно мировые империи. Однако, как нам представляется, класс мировых империй, в свою очередь, надо подразделить на *империи, стремящиеся к мировому господству*, и *империи, стремящиеся лишь к локальному расширению*, а главным образом – к удержанию своей территории. Кольцеобразные империи, вроде Римской или Османской, относятся к исторически более раннему периоду. Они, как правило, в период своего расцвета претендовали на мировое господство, равно как и на то, чтобы присоединить к себе всю обитаемую часть ойкумены. В то же время были и кольцеобразные империи (например, Китайская империя), которые к мировому господству не стремились, а, наоборот, в определенный момент своей истории старались самоизолировать от окружающего мира. К мировым относятся и клочкообразные империи, вроде Британской, или, например, Испанской. Это колониальные империи с четким правовым, политическим и культурным разделением на метрополию и колонии. Такие империи не стремились к мировому господству.

К империям же, которые к мировому господству стремились, можно отнести, в частности, империю Александра Македонского, Персидскую империю, Римскую империю, Арабский халифат, Турецкую империю, империю Наполеона, Монгольскую империю, империю Гитлера, до некоторой степени – Советский Союз в период послевоенного правления Сталина. К мировым империям, не стремившимся к мировому господству, кроме Российской империи, можно отнести Британскую, Византийскую, Испанскую, Французскую (с колониями), Японскую, Португальскую, Итальянскую и Германскую империи.

Характерно, что, как и Монгольская, Российская империя, безусловно, относилась к империям «от моря до моря», и даже занимала почти ту же самую территорию, что и монголы. Однако Монгольская империя стремилась к мировому господству, а Российская – нет. И дело здесь не в особом миролюбии российских императоров, а объективном различии геополитической ситуации XIII и XVIII–XX вв.

Кроме империй, названных В.П. Семеновым-Тянь-Шанским, можно выделить еще *континентальные империи*. К этому типу можно отнести империю Карла Великого, Австро-Венгерскую империю, Китайскую империю. В этой классификации Российская империя занимает промежуточное положение, поскольку ее можно отнести, по чисто географическим показателям, к типу империй «от моря до моря», не стремившихся к мировому господству, но также ее можно считать и континентальной империей. В отличие от колониальных, они обычно отличаются более низким уровнем экономического развития, чем современные им национальные государства. Их военная мощь достигается за счет большей численности населения и большей степени его мобилизации, а также за счет большой территории, и, соответственно – наличия там значительных продовольственных и промышленных ресурсов.

В макросистеме Российской империи, конечно, особенное место занимает Казахстан. Его вычленение соответствует не только требованиям рассмотрения временного и географического факторов, но и многообразия сочетаний места, времени, обстоятельств и разных субъектов процесса развития и распада империи. Только таким образом мы можем аргументировать тезис о том, что единой модели в масштабе империи не существовало. То же самое относится, в частности, к вопросам единой динамики, синхронности или асинхронности в колонизации, ассимиляции, русификаторских усилиях власти.

Немецкий историк А. Каппелер спустя восемь лет после выхода своей известной книги «Россия – многонациональная империя» на немецком языке и пяти лет – на русском (6) опубликовал свои размышления по проблеме с учетом критических суждений, высказанных историками разных стран. В этом материале для нас принципиальный интерес представляют оценка и

перспективы использования регионального подхода. А. Каппелер пишет: «В будущем, как мне кажется, региональный подход к истории империи станет особенно инновационным. Преодолевая этноцентризм национально-государственных традиций, он позволяет изучать характер полиэтнической империи на различных пространственных плоскостях. В отличие от национальной истории, этнические и национальные факторы здесь не абсолютизируются, и наряду с этническими конфликтами рассматривается более или менее мирное сосуществование различных религиозных и этнических групп. Смена перспективы разрывает, прежде всего, столетней давности традицию централистского взгляда на историю России, которая себя изжила» (7).

Одним из активных сторонников регионального подхода для понимания модели российской имперской политики является сибирский историк А.В. Ремнев (8). Он справедливо утверждает, что не следует подменять историю регионов историей народов, в них проживающих, что необходимо взглянуть на регион как на социокультурную, экономическую и политико-административную систему.

В историографии XX в. долгое время доминировал исключительный интерес к «потерпевшим», репрессиям царской администрации, вымиранию коренных народов и их эмиграции. Этот же взгляд активно культивируется историографией новых независимых государств, образовавшихся на постсоветском пространстве. Поэтому так важна, как отмечает и Т. Барретт, тема расширяющегося «фронта» на нерусской окраине. Помимо военных действий, она включает демографическую и социокультурную подвижность, «конструктивные» аспекты российской колонизации: «рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов, регионального хозяйства и материальной культуры» (9).

В профессиональной исторической среде, однако, высказываются определенные сомнения по поводу регионального подхода как нового направления новейшей историографии, в первую очередь из-за неопределенности его оснований. Само понятие «регион» является неопределенным, поскольку применяется к самым разным по размеру территориям. Эти регионы могут принадлежать одному государству, могут включать ряд государств, а могут быть разрезаны государственной границей. Принципы вычленения регионов также не едины, они многообразны (10). Многочисленные попытки дать эссенциалистское определение нации не привели к удовлетворительному результату, а значит, нет оснований ожидать, что это произойдет применительно к понятию «регион». «Определить понятие региона столь же сложно, как и понятие нации», – пишет испанский историк Х.-М. Нуньес (11). Нуньес отмечает, что очень трудно провести четкую границу «между регионализмом и национализмом меньшинства» (12).

А.И. Миллер, Т. Уикс и Р. Гераси по отношению к империи Романовых также выделяют исторические нарративы, которые, в определенном смысле,

выступают как вариант регионального подхода, поскольку вычленяют в государстве регион, используя границы современных государств (13). Национальные исторические нарративы, как правило, по-своему сочетают этнический и территориальный подходы, т.е. описание истории нации сопровождается объяснением того, почему такая-то территория принадлежит этой нации «по праву». Это значит, что распространенные способы «конструирования» регионов подчинены идеологии и не соответствуют логике протекания процессов в империи, являются для них только фоном, контекстом для того, чтобы показать вызревание нации и национального государства.

Не случайно в новейшей, к примеру, российской историографии можно обнаружить исчезновение из обобщающих трудов или учебников истории тех территорий, которые сегодня не входят в РФ (14). Как справедливо отмечает Ж.Б. Кундакбаева, «при разработке учебных курсов по истории России и Казахстана раздел о политике Российской империи по отношению к народам национальных окраин способен оказать влияние на стереотипы и модель восприятия сложных аспектов прошлого. От этого зависит формирование образа другого государства – не образа чужой земли, не осколка Российской империи, а соседа, с которым накоплен большой опыт существования в пределах одного государства, имеется обширная общая граница – естественно-географическая зона прямых контактов» (15).

Выйдя в XVIII в. в казахские степи, Российская империя, как когда-то Византия, сосредотачивала свое внимание на контроле над народами и племенами, проживающими вдоль ее границ, даже если непосредственной угрозы они еще не представляли. В дальнейшем казахские племена должны были стать неотъемлемой частью империи и потерять остатки бывшего родоплеменного самоуправления. Российская империя заимствовала у Византии (а через нее – у Рима) принцип универсализма-изоляционизма.

После падения Константинополя в 1453 г. Московская Русь ощутила себя единственным православным государством в мире, по определению – самым лучшим и достойным, не нуждающимся в сравнении с другими государствами или цивилизациями. Однако это не помешало начатому московскими царями процессу собирания земель бывшей Золотой Орды, населенных мусульманскими народами, среди которых оказались и казахи, наследниками которой на Востоке ощущали себя московские цари. Очередь до них дошла во второй трети XVIII в. Российское влияние первоначально ограничилось установлением фактических союзных отношений при формальном вступлении хана Младшего жуза в российское подданство.

Монгольские ханства, прежде всего государство ойратов, городогосударства Восточного Туркестана, казахские ханства, киргизские и алтайские родоплеменные объединения, Кокандское ханство и другие в разное время выступали как активная политическая сила, проводили, когда это было возможным, самостоятельную политику, использовали свои принципы,

нормы и формы внешнеполитических связей. Между правителями этих государств и народов подчас возникали острые конфликты, которые разрешались силой оружия. Нередко были случаи, когда такие правители в борьбе за власть и в угоду своим интересам предавали собственные народы, вступая в сделку с чужеземными захватчиками. Это облегчило, например, борьбу маньчжуро-китайских владельцев с Джунгарским ханством, которое они уничтожили в 1755–1758 гг.

Весь комплекс международных отношений в регионе Средней Азии в XVIII – первой половине XIX в. дает возможность объективно оценить значение того исторического процесса, в котором участвовали казахи, киргизы, алтайцы и другие народы Центральной Азии, принявшие российское подданство.

Необходимо подчеркнуть, что под «чужеземными захватчиками» подразумевались маньчжуры и китайцы, но не русские. Выбор в пользу союза с Россией оценивается с точки зрения последующих событий, о которых, естественно, не могли знать казахские ханы, прося о принятии казахов в российское подданство. Тем более что Абулхаир и его преемники думали лишь о вассальной зависимости от Российской империи, не нарушающей внутренней строй казахов.

Завоевание Казахстана, начавшееся с превращения казахских ханов в российских сателлитов, вполне вписывается в общий механизм формирования модели Российской империи за счет территориального расширения. Эта модель предусматривала постоянное расширение, иначе отсутствие новых буферных территорий создавало угрозу отпадения ранее завоеванных земель, которые могут либо отойти другим империям или соседним государствам, либо превратиться в самостоятельные государственные образования. Подобный механизм делает данную модель империи принципиально нежизнеспособной.

В числе общих проблем изучения нашей темы активно обсуждается «уникальный характер» российской колониальной политики, как по сравнению с другими регионами Российской империи, так и по сравнению с колониальной практикой Англии, Франции и других европейских колониальных держав. Ведь в Казахстане имела место широкомасштабная славянская (преимущественно русская) колонизация, подобная британской колонизации в Австралии, Новой Зеландии или Канаде. Возможно, Казахстан в составе Российской империи можно сравнивать и с французским Алжиром, где значительная французская колонизация приморских районов соседствовала с сохранением традиционных структур власти во внутренних районах страны.

В этой связи уместно рассмотреть применимость к истории русско-казахских отношений в имперский период моделей, которые предложили американские историки М. Ходарковский и Т. Баррет (16). Эти модели

по-своему отвечают и на вопрос о национальных интересах Российской империи.

М. Ходарковский полагает, что основное различие между колониальной политикой России в регионе и колониальной политикой других европейских держав заключалось в том, что основным и постоянно действующим стимулом экспансии России были геополитические интересы государства, в то время как колониальная политика европейских стран как в Северной и Южной Америке, так и в Азии была продиктована преимущественно экономическими соображениями (17).

Данное противопоставление, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Если говорить о российской колониальной политике в Казахстане и, шире, в Средней Азии в целом, то здесь экономические интересы были на первом плане, по крайней мере, с середины XIX в., когда для развития русской текстильной промышленности потребовался хлопок, а для избыточного после реформы 1861 г. крестьянского населения – плодородные казахские земли. Русская колонизация Казахстана и Киргизии призвана была обеспечить империю не только хлопком, но и хлебом. Кроме того, изначально Российская империя стремилась поставить под свой контроль пути караванной торговли с Востоком. Только в конце XIX в., в связи с началом процесса капиталистической индустриализации, оказались востребованными месторождения сырья и энергоносителей на территории Казахстана. Часть казахов пополнила ряды пролетариата, традиционные структуры начали испытывать трансформацию, но до 1917 г. она далеко не была завершена.

Индустриализация Российской империи сопровождалась массовым разорением крестьян, часть из которых направлялась для колонизации на национальные окраины. В Казахстане, как и в других местах, этот процесс стал особенно интенсивным после аграрной реформы П.А. Столыпина.

М. Ходарковский полагает, что в российской политике по отношению к «степному фронтиру» главную роль играли военная сила и репрессии. Т. Баррет, напротив, склоняется к заключению, что в отношениях России с входившими в ее состав степными и горскими народами имел место главным образом культурный обмен и диалог культур. На самом деле, как нам представляется, и это будет показано в анализе конкретно-исторических исследований, в российской колониальной политике, как, впрочем, и в колониальной политике других европейских держав, всегда важную роль играло завоевание. Это, разумеется, не исключало и диалога культур, который происходил с разной степенью интенсивности в зависимости от того, насколько покоренные народы отличались от русских в культурно-религиозном отношении, насколько они были способны воспринять русский язык и европейскую культуру в ее российском варианте.

Тезис М. Ходарковского о завоевательном характере российской политики в «степном фронтире» совпадает с мнением большинства казахских

историков. Так, Ж.К. Абдиров убежден, что «военно-казачья колонизация» была наиболее ярким выражением «завоевательного, крайне агрессивного характера российского абсолютизма». По его мнению, после обращения хана Абулхаира с просьбой о принятии казахов в российское подданство «царские власти воспользовались этим и активизировали внешнюю политику в отношении Казахстана. Был разработан обширный план проникновения и закрепления российского влияния в этом крае» (18). Также и А. Букейханов обоснованно считает, что «что казахи Младшего и Среднего жузов, прижатые с юга своими врагами к так называемой Горькой линии, были вынуждены признать русскую власть» (19).

Как представляется, наиболее удобной для описаний русско-казахских отношений в период пребывания казахов в составе империи является модель взаимоотношений центра и периферии.

Применительно к Казахстану она разрабатывается, в частности, казахским историком Ж.Б. Кундакбаевой. Она полагает, что наиболее оптимальная модель, описывающая отношение центра Российской империи с ее казахской окраиной, еще не создана. Она считает, что в современной российской действительности нередко раздаются голоса «с ностальгическими нотками» из имперской истории. В Казахстане вхождение в состав Российской империи подчас оценивается с точки зрения утраты национально-государственного суверенитета. Однако при внимательном рассмотрении выясняется, что, несмотря на традиционный интерес со стороны профессиональной историографии, проблема включения в состав империи и механизмов удержания народов с другими типами экономики, социального устройства, с разными этническими и конфессиональными характеристиками является слабо изученной. Вне поля исследователей остался вопрос, каким образом удавалось сохранять сосуществование в течение длительного времени в рамках одного государства народов с полностью или частично несовместимыми друг с другом ценностными установками и поведенческими стереотипами (20).

Соглашаясь с этим суждением в целом, внесем лишь небольшое уточнение, связанное с принципиальной несовместимостью ценностных установок. Опыт истории доказывает, что на одной и той же территории порой мирно уживаются народы, весьма далекие друг от друга по уровню развития, чьи культуры также весьма далеки друг от друга по многим параметрам. В то же время самые острые и кровопролитные конфликты вполне могли возникать и между народами со сходными ценностными установками. Что же касается утверждения о том, что ни одна из существующих моделей империй не описывает удовлетворительным образом взаимоотношений казахских земель с имперским центром в период с 1730-х гг. и до 1917 г., то осмелимся предложить для развития дискуссии по этому вопросу следующую модель русско-казахских отношений.

Имперский центр по отношению к казахской периферии выступал в двойном качестве. С одной стороны, Петербург, хотя постепенно и упразднил ханскую власть, стремился законсервировать некоторые традиционные институты казахского общества и одновременно встроить казахскую элиту в имперскую административную систему. Таким образом, на территории Казахстана *уникальным образом сочетались методы прямого и косвенного управления*, когда традиционные феодальные властители фактически превратились в русских чиновников. Такая система управления могла бы оказаться весьма эффективной, поскольку сила имперской бюрократии соединялась бы с традиционным влиянием на соплеменников казахских султанов и баев. Однако этого не произошло, потому что, с другой стороны, имперский центр *рассматривал казахские земли как объект колонизации со стороны восточнославянского населения* Российской империи. Это порождало *непримиримые противоречия между русскими поселенцами и казахами*, причем в данном случае и рядовые казахи, и представители казахской феодальной элиты выступали единым фронтом. Русская колонизация, как мы уже показывали, вызывала восстания казахов, в ходе которых происходила национальная консолидация казахского этноса и зарождалась современная казахская государственность.

Обратимся как к общепризнанным среди историков, так и малоизвестным еще фактам. В Казахстане в период нахождения его в составе Российской империи косвенная система правления преобладала вплоть до 20-х гг. XIX в., до ликвидации ханской власти в Среднем и Младшем жузах. Система российского государственного управления в Среднем жузе распространялась в соответствии с указом «Устав о сибирских киргизах», утвержденным правительством 22 июля 1822 г. Но и в дальнейшем местные феодалы, формально оказавшись встроеными в систему общеимперской администрации, фактически сохраняли значительное влияние на своих соплеменников и даже выбирались ими. Правда, эти выборы носили во многом формальный характер и их результаты подлежали утверждению российскими властями.

Что же касается использования территории Казахстана в качестве поселенческой колонии для основного населения России, то русские поселенцы основными демократическими правами фактически не обладали, в чем было их коренное отличие от населения британских доминионов. Исключением были лишь казачьи поселения, обладавшие внутренней автономией.

Казачество использовалось в качестве главной устроительной силы на азиатских окраинах империи, в том числе в Казахстане. Оно не только обеспечивало безопасность границ, внутренний порядок в степи, но и выполняло целый ряд управленческих функций. Казачьи станицы стали опорными пунктами имперского присутствия.

Именно казаки во многом являлись основными проводниками имперской политики, носителями иных цивилизационных ценностей, хотя и сами испытывали хозяйственное и культурное воздействие местного коренного

населения. В процессе имперского строительства участвовали и другие социальные и профессиональные группы – военные, чиновники, священники, учителя, врачи, инженеры.

Принцип подданства и лояльности императору уже в это время отступал перед принципами национальности и веры. Именно поэтому немалое значение для русско-казахских отношений имело то, что Российская империя строилась как православное царство, где православие было государственной религией, а со времен Петра I российский император был фактическим главой Русской Православной Церкви, которой управлял через Священный Синод. Мусульманские народы империи, в том числе казахи, сохраняя свою религию и особый уклад жизни, не могли полностью интегрироваться в жизнь империи, да и вопрос об их полной интеграции никогда не ставился в Петербурге. От казахов требовали лишь политической лояльности, уплаты налогов и уступки земель.

В этом было принципиальное отличие положения казахской знати в Российской империи от положения варварской знати в Римской империи, где вплоть до конца III в. варвары, и не только знать, легко перенимали римские обычаи и образ жизни и растворялись в римском мире. Только с принятием Римской империей христианства в качестве государственной религии процесс ассимиляции варваров значительно замедлился. Российская империя в этом отношении больше напоминала позднюю Западную Римскую и особенно Византийскую империю. Как и последняя, Российская империя была православной империей, но не в Средневековье, а уже в Новое время, что объективно уменьшало роль православной религии в российской жизни. Распространение русского образа правления на всю территорию империи не вело автоматически к ассимиляции населявших ее окраины нехристианских народов. Они в значительной мере сохраняли традиционный образ жизни, но подвергались утеснению как со стороны христианского населения, так и со стороны чиновников, низший слой которых был рекрутирован из местной знати.

Таким образом, если принять во внимание множество теоретических позиций и методологических подходов к изучению моделей империи, мы можем, прежде всего, подчеркнуть, что империи существуют на протяжении свыше двух с половиной тысяч лет. Однако общепринятое определение империи не сложилось.

Тем не менее в результате длительных дискуссий ученые более или менее едины в том, что империей является государственное образование достаточно большого размера, что оно включает в себя в качестве составных частей территории и народы, присоединенные, как правило, военным путем и удерживаемые в рамках полного или частичного подчинения силой. В качестве доминирующего, структурно-формирующего фактора при этом выступает политика, включая войны. Однако имеются имперские образования, где есть другие способы вхождения.

После образования империя пребывает в состоянии неизменности своего устройства или стремится к поддержанию такого состояния. К числу устойчивых признаков империи относятся их гетерогенность, неравноправность отношений между центром и периферией, прямые и не прямые формы управления, разный уровень подчиненности территорий, важная роль в международных отношениях.

Для понимания разных моделей империй в последнее время важную роль стал играть региональный подход. Говоря в этой связи об исследовании Казахстана в составе Российской империи, невозможно отделить это изучение от всей Средней Азии. Историографии истории Казахстана и народов Средней Азии (казахов, узбеков, киргизов, туркмен, каракалпаков и таджиков) настолько переплетены и взаимосвязаны, что изучать их изолированно друг от друга научно несостоятельно.

Периферийное положение Казахстана в пространстве Российской империи создавало определенные экономические и политические противоречия в развитии, однако имело свои плюсы и минусы.

Несомненно, что казахи и их предки в течение весьма длительного времени могли сохранять как традиционный уклад жизни, так и относительную политическую независимость. Они сберегли свою идентичность среди многонационального населения Улуса Джучи. В составе Российской империи казахи частично сохраняли свою политическую самостоятельность вплоть до середины XIX в. То, что казахи регулярно восставали против Российской империи, доказывает, что присоединение Казахстана было не вполне добровольным, если значительные слои и группы казахского общества активно боролись против Российской империи. К тому же в конкретно-исторической обстановке середины XVIII в. решение принимал хан Абулхаир и близкая к нему группировка знати. Всегда оставались недовольные этим решением среди султанов и баев, которым тем легче было поднять на борьбу казахские массы, чем больше последние, по мере освоения империей казахских земель, все больше страдали от произвола русских чиновников и поселенцев. В этом проявились минусы вхождения казахского народа в состав Российской империи. Практически был остановлен процесс строительства казахской государственности. В результате вытеснения казахов с родных земель казахами и русскими переселенцами перед казахским этносом встала реальная угроза превратиться в меньшинство на своей родине, что в действительности и произошло в XX в.

Но вместе с тем, как полагает ряд историков, нельзя не фиксировать положительных моментов, связанных с объединением всех казахских земель в составе Российской империи. Этот процесс завершился в 1860-е гг., а в ходе антироссийских восстаний произошла консолидация этнической идентичности казахов, сформировалось национальное самосознание.

В Казахстане, однако, как и вообще в среднеазиатском регионе, осознавалось административное и институциональное неравноправие, а в пер-

спективе – стремление к автономии или даже к государственной обособленности. Российская империя, включая в свой состав тот или иной регион на востоке, начинала, прежде всего, его властное освоение, интеграцию в имперское политико-административное пространство, последовательно используя окраины как военно-экономический плацдарм для дальнейшего имперского расширения. В данном случае для Казахстана и Средней Азии речь идет о Западной Сибири и Оренбургском крае, которые включали части региона в общие большие административные группы (генерал-губернаторства, наместничества).

Региональная административная политика имела место как совокупность правительственных мероприятий, направленных на сохранение государственной целостности империи, хозяйственное освоение регионов, ответ на этнические, конфессиональные и социокультурные запросы, а также учет управленческих и правовых традиций, при элиминировании политических претензий. Управленческая проблема центра и региона включала в себя диалог двух сторон (центральных и местных государственных деятелей), позиции которых могли зачастую не совпадать. Обилие указаний из центра могло с успехом демпфироваться неисполнением их на периферии.

Значительный интерес может представить разница во взглядах на окраинные проблемы центральных и местных властей. Как известно, последние, особенно на азиатских окраинах империи, стремились проводить в значительной степени автономную политику, которая могла вполне не совпадать с намерениями центра.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. – Казань. – 2001. – № 1–2. – С. 23.
- (2) Рибер А. Групповые интересы в борьбе вокруг Великих реформ // *Великие реформы в России*. – М., 1992. – С. 44–45.
- (3) Миллер А.И. Империя Романовых и евреи (Публичная лекция «Полит.ру», апрель 2006 г.). – М., 2006.
- (4) Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии // *Известия ИРГО*. – Т. 51. – Вып 8. – СПб, 1917. – С. 440.
- (5) Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении... – С. 440–443.
- (6) Kappeler Andreas. *Russland als Vielvolkerreich: Entstehung–Geschichte–Zerfall*. – Munich, 1992; Kappeler A. *Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад*. – М., 1997.
- (7) Kappeler A. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio* (Казань). – 2001. – № 1. – С. 21.
- (8) См.: Ремнев А.В., Савельев П.И. Предисловие // *Имперский строй России в региональном измерении. XIX – начало XX века*. – М., 1997; Ремнев А.В. *Россия на*

- Дальнем Востоке в начале XIX века: замыслы, дискуссии, реалии // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. – 2000. – № 4; *Он же*. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio* (Казань). – 2000. – № 3–4; *Он же*. У истоков российской имперской геополитики: азиатские «пограничные пространства» в исследованиях М.И. Венюкова // Исторические записки. – 2001. – Т. 4 (122); *Он же*. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – М., 2001 и др.
- (9) *Барретт Т.* Линии неопределенности северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. – Самара, 2000. – С. 168.
- (10) См.: *Neumann I.* Uses of the other: The «East» in European identity formation. – Minneapolis, 1999.
- (11) *Nunez Seijas X.-M.* The region as essence of the fatherland: regionalist variants of Spanish nationalism // *European History Quarterly*. – 2001. – Vol. 31. – № 4. – P. 483.
- (12) Там же. – P. 484.
- (13) См.: *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и в русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб, 2000; *Miller Alexei.* Shaping Russian and Ukrainian identities in the Russian Empire during the nineteenth century: some methodological remarks // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. – 2001. – В. 49. – Н. 4. – S. 257–263; *Weeks Theodore R.* Russification and the Lithuanians, 1863–1905 // *Slavic review*. – 2001. – Vol. 60. – № 1. – P. 96–114; *Geraci Robert P.* Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia. Ithaca. – L., 2001. – P. 3–4.
- (14) См.: Россия и страны Балтии, Центрально-Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. – М., 2003.
- (15) *Кундакбаева Ж.Б.* «Знаком милости Е.И.В.». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. – М., 2005. – С. 10–11.
- (16) *Khodarkovsky M.* Where two worlds met. The Russian state and Kalmak nomads, 1600–1771. – Ithaca, 1992; *Idem.* Russia's Steppe Frontier. The Making Colonial Empire, 1500–1800. – Bloomington, 2002; *Барретт Т.* Линии неопределенности // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. – Самара, 2000. – С. 163–194.
- (17) *Ходарковский М.* В королевстве кривых зеркал (Основы российской политики на Северном Кавказе до завоевательных войн XIX в.) // Чечня и Россия: общества и государства. – М., 1999. – С. 21.
- (18) См.: *Абдиров Ж.К.* Завоевание Казахстана царской Россией. – Астана, 2000.
- (19) *Букейханов А.* Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Избранное. – Астана, 1995.
- (20) *Кундакбаева Ж.Б.* «Знаком милости Е.И.В.». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. – М., 2005. – С. 9.

**MODELS OF EMPIRES AND THEIR APPLICABILITY TO KAZAKHSTAN
WITHIN THE RUSSIAN EMPIRE**

A.M. Abdildabekova

Department of Ancient and Medieval Kazakhstan History
Kazakhstan National University by al'-Farabi
Al' Farabi Str., 71, Almaty, Republic of the Kazakhstan, 050038

The article analyzes a contemporary condition of debates about models of empire, the typology of the Russian Empire, and a place of Kazakhstan in its macrosystem. The focus is on an innovative regional approach to studying of the problem which explains the specifics of combined methods of direct and indirect government in Kazakhstan. Special attention is paid to the concepts of R. Suny, A. Kapeller, A. Miller, Zh. Kundakbaeva, Zh. Abdirov, et al.

Key words: empire, models and typology of empire, the Russian Empire, Kazakhstan, (ethnic) identity, sovereignty.